

Юлия Резник

ЧТО-ТО МЕЖДУ НАМИ

Романтическая эротика

УДК 82-993
ББК 84-4
Р34

Р34 **Резник Ю.**
Что-то между нами: Романтическая эротика / Юлия Резник – М.: Lennex Corp,
— Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 194 с.

ISBN 978-5-521-89724-7

– Папочка, родненький, помоги! Я, кажется, человека...

Голос дочери в трубке звучит истерично и загнанно. Половина слов тонет в задушенных влажных всхлипах. И на какую-то долю секунды я даже позволяю себе поверить в то, что мне это все слышалось.

– Еще раз, Мил, внятно. Что случилось?

Наплевав на толпу ожидающих моего решения подчиненных, тяжело поднимаюсь из кресла.

– Я в аварию попала. Точней, человека сбила, – ревет дочь. – Кажется, это девушка.

Да плевать мне, кто!

Так я думал, а потом встретил "жертву" и... пропал.



Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-89724-7

© Ю. Резник, 2025

Оглавление

Глава 1.....	5
Глава 2.....	11
Глава 3.....	18
Глава 4.....	24
Глава 5.....	31
Глава 6.....	39
Глава 7.....	45
Глава 8.....	52
Глава 9.....	58
Глава 10.....	65
Глава 11.....	72
Глава 12.....	79
Глава 13.....	86
Глава 14.....	93
Глава 15.....	100
Глава 16.....	107
Глава 17.....	114
Глава 18.....	120
Глава 19.....	127
Глава 20.....	134
Глава 21.....	140
Глава 22.....	147
Глава 23.....	155
Глава 24.....	162
Глава 25.....	169
Глава 26.....	176
Глава 27.....	184
Эпилог	190

Глава 1

– Папочка, родненький, помоги! Я, кажется, человека убила.

Голос дочери в трубке звучит истерично и загнанно. Половина слов тонет в задушенных влажных всхлипах. И на какую-то долю секунды я даже позволяю себе поверить в то, что мне это все послышалось.

– Еще раз, Мил, внятно. Что случилось?

Наплевав на толпу ожидающих моего решения подчиненных, тяжело поднимаюсь из кресла.

– Я в аварию попала. Точней, человека сбила, – ревет дочь. – Кажется, это девушка.

Да плевать мне, кто! Вот только...

– Что значит «кажется»? Ты же не скрылась с места аварии? – в затылке леденеет не просто так. Мозгов у Милки, как у колибри. В кого только, спрашивается? Я вроде не дурак. Да и мать ее там, где надо, умная. А вот мелкая...

– Нет, я тут сижусь-у-у-у, – заходится воем Милана, а я с облегчением выдыхаю. В панике ей могло прийти в голову все что угодно. Если бы свалила – добавила бы мне проблем. Тут и так пока не очень понятно, как все разруливать буду. Ну да ладно. На месте разберемся.

– Вот и сиди. Геолокацию Степану моему скинь. Я сейчас подъеду. Ты сама-то как?

– Нормально, – шмыгает носом дочь, и на том мы с ней прощаемся. По пути к дверям жестом выпцепляю начальника юротдела.

– Поедешь со мной, Вить. Милка моя в аварию попала. Похоже, есть жертвы, – тихо ввожу юриста в курс дела. Сердце под дизайнерским пиджаком колотится как ненормальное, хотя, казалось бы, за столько лет отцовства мне уж пора было выработать иммунитет к Милкиным выходкам. Но нет. Дочь каждый раз находит способ, как достать меня до печенок.

– Я не по этой части, Роберт Константинович, – теряется Мохов. – Это ж уголовное.

– Если сам не потянешь, потом кого-нибудь подключим, а пока лучше ты, чем никого. Есть на примете толковые спецы? Рябцев? Маликян? Гуров? – сам же и накидываю варианты.

– Сейчас Рябцева наберу. Если он в городе – возьмется. Маликян под завязку загружен, только вчера за обедом жаловался. А Гуров, если мне не изменяет память, укатил на Кипр.

Сухо киваю, только в лифте сообразив, что не потрудился распустить собравшихся в конференцзале, а это не меньше дюжины моих ключевых сотрудников, которым наверняка есть чем заняться, пока их босс разгребает дерьмо за своей великовозрастной дочуркой. Набираю зама:

– Леша, мне надо срочно отъехать. Заканчивайте без меня.

– Роб, ты что? Завтра же подписание! Китайцы...

– С китайцами мы все уже утрясли. На подписание я приеду. А в остальном – на кой я держу такой штат?!

На Лешку меня срывает не по делу, тут и ежу понятно. Но тот глотает. Знает, что под горячую руку мне лучше не попадать. Уже привык. Сбрасываю вызов. Ловлю на себе взгляд Мохова:

– Ну, вы хоть в общих чертах обрисуйте, как ее угораздило, – объясняет тот свой интерес.

– Вить, ты ж там со мной был. Она ревет – два слова связать не может. Подробности я не знаю. Говорит только, что сбила женщину.

– А скорую догадалась вызвать?

– Твою мать! – растерянно провожу по голове. И снова достаю телефон. К счастью, Милка отвечает после первого же гудка.

– Да, пап. Ты скоро?

А голос такой, как в три года, когда она со всей дури шмякнулась с высокой горки, на которую ей строго-настрого запрещено было лезть. Я тогда чуть не поседел, а надо было себя беречь. Потому как это было только началом.

– Скоро. Мил, а ты скорую вызвала?

– Нет, – теряется она. – Там люди сразу звонить начали. Я и не стала.

– Люди? – шумно выдыхаю носом. – Да откуда ты знаешь, куда эти люди звонят, Мил? Может, журналистам! В скорую звони, я тебе говорю! Сейчас же. Это может быть расценено как смягчающее обстоятельство, ну? Сечешь?

– Смягчающее обстоятельство? – заходится в рыданиях пуще прежнего Милка. – Меня что, будут судить?! Папочка! Я не хочу. Миленький, сделай что-нибудь.

Если честно, в целях профилактики Милке бы не помешало хоть раз за свои поступки ответить. Но, блядь! Она – мой единственный ребенок. Кем я буду, если ее не выгашу? Связей в нужных местах у меня хватает. Денег тоже. А у Миланы впереди вся жизнь.

– Я сделаю, Мила. Конечно, сделаю. Ты, главное, в скорую позвони.

– И про освидетельствование ее предупреди, Роберт! – бесперомонно вмешивается в наш разговор Мохов.

– Конкретизируй.

– Пусть ни на какие экспертизы не соглашается. А то мало ли.

Сжав челюсти, юркаю в заботливо приоткрытую водителем дверь. Могла ли Милка прыгнуть за руль бухой? Хочется думать, что ее колибри-мозг не усох окончательно. Если вдруг узнаю, что села вмазанная – ей хана. Никакого суда не надо. Сам душу вытрясу. Убить же могла, дура! А с богом я бы уже не порешал.

На счастье или на беду, накуролесила Милана в центре. От моего офиса рукой подать. Если верить минутным стрелкам, прошло чуть больше четверти часа с тех пор, как дочь сообщила мне об аварии. А вот что действительно странно – то, как долго не едет скорая. Иду к Милкиной спортивной бэхе, вокруг которой собралась толпа, а взгляд какого-то черта соскальзывает на темноволосую фигуру, что сломанной куклой лежит поодаль. В затылке тянет. С намокших под дождем волос капает. А я даже не заметил, когда тот дождь начался. Как назло, девчонку раскатало у самой ливневки. Мокрая вся. Пиздец. Резко сворачиваю и, разрезав плечом толпу, склоняюсь над Милкиной жертвой. Выглядит та... как жертва дорожного происшествия. Лучше и не скажешь. Кожа мертвецки белая, даже веснушки, коих у нее на лице миллион, поблекли.

Твою ж мать, доча, вот просто, твою же мать!

– Пульс есть, – с облегчением гляжу на Виктора.

– Отлично. Теперь бы еще неотложка поторопилась. Наша ситуация серьезно усложнится, если девчонка преставится, – шепчет он мне на ухо.

– А то я не знаю, – рычу в ответ и в который раз за этот бесконечный день прикладываю осточертевший телефон к уху. Есть у меня контакты... И зава лучшей в столице клиники. И самого министра

здоровоохранения. Девчонка должна выжить, во что бы то ни стало. К счастью, я даже не успеваю толком объяснить суть своей проблемы, как к месту аварии прибывает карета скорой, а следом за ней – мен-ты. Подхожу ближе к Милкиной бэхе. Завидев меня, дочь вылетает из машины и с ревом бросается на грудь. Стресс у девочки – это сразу видно. Трясет, как под напряжением. Ужас. Но, может, хоть теперь что-то осознает!

– Ну, все-все, Мил. Сейчас я кое-кому позвоню, ага? Ты не бойся.

Заломив руки, Милана кивает. В этот момент к нам подходят мен-ты. Разрешаю им поговорить с дочкой под присмотром Мохова – тот сможет проконтролировать, чтобы Милка не ляпнула лишнего, пока я буду поднимать нужные связи. Нравится ли мне ими пользоваться в настолько стремной ситуации? Нет. Просто я не могу иначе. Какая-никакая, Милана – моя дочь. Страдаю ли я от того, что мне приходится вот так по беспределу ее отмазывать? Черта с два. Я давно уже понял, что на некоторые вещи лучше просто закрыть глаза, и научился жить в парадигме «вижу цель – не вижу препятствий». То, что все перед законом равны – сказочка для идиотов. Я поднялся, во многом подхлестываемый этой несправедливостью.

Да и если кого тут и надо наказывать, то это меня с Тamarой. Это мы не справились с родительскими обязанностями. Я – потому что впахивал, как дурной. Томка... А черт его знает. Может, не с того она начала. Компенсируя Милке довольно скромное существование в первые годы жизни, она, как только я раскрутился, стала жутко баловать мелкую. Если костюмчик, то от Дольче Габбана, если отдых, то на лучших мировых курортах, если школа, то самая престижная, ну а ВУЗ – тем более. Естественно, что первую тачку мы подарили Милке, как только ей исполнилось восемнадцать. Я был против этой идеи. Потому как предполагал, что этим все и закончится. Но Тома настояла. Видите ли, у всех Милкиных подружек есть тачки. Чем дочь Воинова хуже?

Знакомый прокурор ловит все, что я ему рассказываю, на лету. Мелькает мысль, что я не первый, кто просит его замять подобное происшествие. Да и по хер. Мне до чужих проблем дела нет. Но в левой половине груди все равно противно тянет. Особенно когда

взгляд соскальзывает на девчонку, которую уже погрузили на носилки. И то ли носилки такие короткие, то ли девчонка длинная – ее ступни в паленых конверсах свисают с края. А еще в память почему-то врезаются тонюсенькие белоснежные щиколотки в голубых реках вен, выглядывающие из-под коротких джинсов.

Морщусь. Слева ноет. Надо бы провериться. С такой собачьей жизнью немудрено и какой-нибудь болячкой взрослых дядей разжиться. Говорят, те сейчас сильно помолодели, ага. Юрка Кочетков – приятель мой, всего на три года старше, а в прошлом октябре схоронили. Инфаркт.

Менты работают быстро. Милку, естественно, отпускают. Как ее вину спишут, мне фиолетово. Важен сам факт.

– Па-а-а-апа, – ревет та, по-детски шмыгая носом.

– Ну, все, Мил. Ты матери не звонила?

– Не-е-ет.

Прижимая к себе малую, набираю жену.

– Том, привет. Дочь наша человека сбила, – начинаю без прелюдий. Хотела машину для Милки – должна была осознавать риск.

– Как сбила? – ахает женушка.

– Блядь, Том, вот так! Как людей на пешеходных переходах сбивают? В общем, я тут все вроде бы порешал, сейчас Милу домой отправлю. Ты давай, тоже двигай. Ей твоя поддержка нужна.

– Конечно. Сейчас. Только время выйдет. Я ж на обертывании, Роб.

– На каком, на хрен, обертывании? У тебя дочь в три ручья ревет!

– Ну что, там все так серьезно, Роберт? Ты же сразу толком не объяснил.

– Так объясняю. Давай, я Милку со Степаном отправлю.

Сворачиваю разговор. Мохов как раз закончил разгребаться с бумажками, что ему подсунули менты.

– Милке еще завтра надо будет подъехать.

– Подъедет, – зажимаю между пальцами переносицу. Дождь прекратился так же резко, как и начался. Кожу под отсыревшим пиджаком холодит кондиционированный воздух салона.

– Надо о девочке позаботиться.

– А?

– Девчонка. Узнать, выжила ли.

И не только. Я уже договорился, чтобы ею занялись.

– Съезжу. На сегодня свободен, Вить. Спасибо. Рябцев, кстати, что?

– Рябцев дело подхватит – не проблема.

– Типун тебе на язык. Никакого дела быть не должно.

– Да это я так. По привычке, – пожимает плечами Мохов и, пожав мне руку, выходит. Уже когда отъехал, доходит, что я не поинтересовался, как Витька доберется до дома. Примчался-то он со мной. Да и к черту. Не маленький. Дурацкая привычка думать обо всех и обо всем.

На территорию клиники въезд простым смертным запрещен, но меня пропускают. Видно, предупредили. Больница государственная, но оборудование здесь отличное. Не у всякой частной такие мощности. Так мне объяснили, когда я еще межевался, куда девчонку лучше везти. То, что с оборудованием все в порядке – даже не сомневаюсь. Сам кое-что покупал, когда свыше мягко намекнули поучаствовать.

– Роберт Константинович!

– Добрый день. Жива?

– Жива. Идет операция.

– И какие прогнозы?

– Об этом пока рано говорить. Хорошая новость в том, что позвоночник оказался не задет. Плохая – у девочки довольно серьезная черепно-мозговая.

Юлий Валентинович зачитывает унылый список полученных девушкой травм. А я то и дело дергаюсь. Наверняка ее дома потеряли. Волнуются. Я вот свою спасать примчался, а эту даже под реанимацией никто не ждет. Не могу отделаться от суеверной мысли, что это важно. Важно, чтобы её ждали.

Менты же наверняка должны были выяснить данные потерпевшей. Или нет?

– А имя девушки выяснили?

– Да. Эмилия Юмина. Девятнадцать лет. При ней были документы. И сумка с вещами.

Приезжая, что ли? Прикладываю телефон к уху: